

Международный научно-исследовательский журнал

«Прогрессивная экономика»

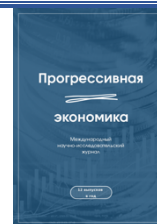
№ 6 / 2026 https://progressive-economy.ru/vypusk_1/problemy-realizaczi-ekonomicheskikh-instrumentov-ekologicheskoy-politiki-na-territorii-s-osobym-rezhimom-prirodopolzovaniya-na-primere-respubliki-buryatiya/

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности ВАК: 5.2.3

УДК 332.02

DOI: 10.54861/27131211_2026_6_302

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ С ОСОБЫМ РЕЖИМОМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

*Лубсанова Н.Б., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт
природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6513-2555>
e-mail: nlub@binm.ru*

*Владимирова И.Л., доктор экономических наук, профессор базовой кафедры
«Управление проектами и программами Капитал Групп», Российский
экономический университет имени Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия
115054, Москва, Стремянный переулок, 36
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6138-5053>
e-mail: vladimirova.il@rea.ru*

*Михеева А.С., доктор экономических наук, главный научный сотрудник
лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт
природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия
670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1407-4441>
e-mail: asmiheeva@binm.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации ключевых экономических инструментов экологической политики на территориях, подпадающих под особые природоохранные режимы, где императивы сохранения уязвимых экосистем вступают в противоречие с задачами социально-экономического развития. На примере Республики Бурятия (региона с особым режимом природопользования) проведён

ретроспективный анализ за период с 2014 по 2024 гг. Методологическую основу исследования составляют структурно-динамический и сравнительный анализ бюджетных данных, а также графическая интерпретация трендов. Объектом исследования выступают четыре группы инструментов: плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), платежи за пользование природными ресурсами, инвестиции в основной капитал природоохранного назначения и субсидии юридическим лицам. Эмпирическая база включает отчёты Федерального казначейства, данные Федеральной налоговой службы и нормативно-правовые акты. Установлено, что реализация указанных инструментов сопровождается системными проблемами: низкой стимулирующей ролью платы за НВОС (её доля в доходах консолидированного бюджета не превышает 0,13% на протяжении всего периода); усилением сырьевой специализации в структуре ресурсных платежей (доля налога на добычу полезных ископаемых выросла с 36,5% до 69,3% при одновременном снижении относительной значимости этих платежей); моноструктурной концентрацией инвестиций на водохозяйственных объектах (до 82,9% в 2023 г.) при доминировании федерального бюджета как источника финансирования (до 87,1%); трансформацией субсидирования из природоохранного стимула в механизм поддержки регионального оператора по обращению с твёрдыми коммунальными отходами. На основе полученных результатов обоснована необходимость разработки новой региональной стратегии распределения средств, ориентированной на экологизацию производства, пересмотр нормативов платы за сбросы в водные объекты и снижение зависимости от федеральных целевых программ. Результаты исследования могут быть использованы органами исполнительной власти субъектов РФ при корректировке региональных экологических программ.

Ключевые слова: экологическая политика, экономические инструменты, особый режим природопользования, природоохранные инвестиции, Республика Бурятия.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН (126021116980-5).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лубсанова Н.Б., Владимирова И.Л., Михеева А.С. Проблемы реализации экономических инструментов экологической политики на территории с особым режимом природопользования (на примере Республики Бурятия) // Прогрессивная экономика. 2026. № 6. С. 302–325. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_6_302.

Статья поступила в редакцию: 22.04.2026 г. Одобрена после рецензирования: 29.05.2026 г. Принята к публикации: 11.06.2026 г.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF ECONOMIC INSTRUMENTS OF ENVIRONMENTAL POLICY IN A TERRITORY WITH A SPECIAL NATURAL RESOURCE USE REGIME (CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

*Lubsanova N.B., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher,
Laboratory of Environmental Economics, Baikal Institute of Nature Management,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
670047, Ulan-Ude, Sakhyanovoy str., 6
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6513-2555>
e-mail: nlub@binm.ru*

*Vladimirova I.L., Doctor of Economic Sciences, Professor of the Basic
Department «Project and Program Management of Capital Group», Plekhanov
Russian University of Economics, Moscow, Russia
115054, Moscow, Stremyanny Lane, 36
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6138-5053>
e-mail: vladimirova.il@rea.ru*

*Mikheeva A.S., Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher, Laboratory
of Environmental Economics, Baikal Institute of Nature Management, Siberian
Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
670047, Ulan-Ude, Sakhyanovoy str., 6
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1407-4441>
e-mail: asmiheeva@binm.ru*

Abstract. The article examines the problems of implementation of key economic instruments of environmental policy in territories subject to special environmental protection regimes, where the imperatives of preserving vulnerable ecosystems come into conflict with the objectives of socio-economic development. Using the Republic of Buryatia – a region with a special natural resource use regime – as a case study, a retrospective analysis for the period 2014–2024 is conducted. The methodological framework of the study comprises structural-dynamic and comparative analysis of budgetary data, as well as graphical interpretation of trends. The objects of the study are four groups of instruments: payments for negative environmental impact (NEI), payments for the use of natural resources, investments in fixed capital for environmental purposes, and subsidies to legal entities. The empirical base includes reports of the Federal Treasury, data from the Federal Tax Service, and regulatory legal acts. It is established that the implementation of these instruments is accompanied by systemic problems: the low incentive role of NEI payments (their share in consolidated budget revenues does not exceed 0.13% throughout the entire period); the strengthening of raw material specialization in the structure of resource payments (the share of the mineral extraction tax grew from 36.5% to 69.3% while the relative significance of these payments declined simultaneously); monostructural concentration of investments on water management facilities (up to 82.9% in 2023) with the federal budget dominating as the source of financing (up to 87.1%); and the transformation of subsidies from an environmental incentive into

a mechanism supporting the regional operator for municipal solid waste management. Based on the obtained results, the necessity is substantiated of developing a new regional strategy for fund distribution oriented toward the greening of production, revision of payment standards for discharges into water bodies, and reduction of dependence on federal target programs. The results of the study can be used by executive authorities of constituent entities of the Russian Federation when adjusting regional environmental programs.

Keywords: environmental policy, economic instruments, special natural resource use regime, environmental investments, Republic of Buryatia.

JEL classification: Q58, H23, R58.

Acknowledgments. This study was conducted within the framework of the state assignment of the Baikal Institute of Nature Management SB RAS (126021116980-5).

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Lubсанова Н.В., Владимирова И.Л., Микеева А.С. (2026). Problems of implementation of economic instruments of environmental policy in a territory with a special natural resource use regime (case study of the Republic of Buryatia). *Progressivnaya ekonomika [Progressive Economy]*, 6, 302–325. https://doi.org/10.54861/27131211_2026_6_302. (In Russ., abstract in Eng.)

The article was submitted to the editorial office: 22/04/2026. Approved after review: 29/05/2026. Accepted for publication: 11/06/2026.

Введение

Разработка сбалансированной экологической политики на территориях с особым режимом природопользования сопряжена с необходимостью преодоления фундаментальной эколого-экономической дилеммы. С одной стороны, сохранение уникальных экосистем (особо охраняемых природных территорий, водоохранных зон, Байкальской природной территории) требует жесткого лимитирования антропогенного воздействия. С другой стороны, необходимость обеспечения социально-экономического развития регионов, сохранения хозяйственного потенциала и уровня жизни населения делает исключительно ограничительный подход политически и экономически несостоятельным.

Репрезентативным объектом исследования в данном контексте выступает Республика Бурятия. Значительная часть ее территории расположена в пределах Центральной экологической зоны Байкальской природной территории (БПТ), где в соответствии с Федеральным законом «Об охране озера Байкал» действует специальный режим хозяйственной деятельности. Для региона характерна высокая институциональная сложность, обусловленная кумулятивным эффектом наложения нормативных режимов ООПТ, водоохранного и байкальского законодательства.

В условиях подобного нормативного прессинга ключевую роль приобретают экономические механизмы природопользования. При условии их оптимального институционального дизайна они способны формировать

стимулы для экологизации производства, аккумулировать финансовый ресурс для природоохранных мероприятий и обеспечивать справедливое перераспределение издержек между хозяйствующими субъектами, государством и обществом. Тем не менее, формальное внедрение данных инструментов не гарантирует достижения целевых ориентиров: на практике часто наблюдается значительный диссонанс между декларируемыми целями экологической политики и фактической результативностью экономических регуляторов.

Цель настоящей статьи заключается в анализе практики применения ключевых экономических инструментов экологической политики на территории с особым режимом природопользования на примере Республики Бурятия и выявлении основных институциональных и экономических проблем, снижающих их эффективность.

Обзор литературы

В современной научной литературе вопросы применения экономических инструментов экологической политики рассматриваются как один из ключевых направлений перехода от преимущественно административного регулирования к механизмам экономического стимулирования природоохранного поведения. Важность данного подхода определяется тем, что именно экономические меры позволяют не только ограничивать негативное воздействие на окружающую среду, но и формировать у хозяйствующих субъектов устойчивую заинтересованность в снижении экологических издержек и внедрении более чистых технологий [1].

Существенный вклад в разработку теоретических оснований использования таких инструментов внесли исследования, посвящённые их классификации и функциональной дифференциации. В работах Т. Панайоту экономические инструменты экологической политики систематизированы по их назначению и сфере применения; к числу наиболее значимых отнесены рыночные механизмы, фискальные инструменты, платежи, финансовые меры, а также системы ответственности и депозитно-залоговые схемы [2]. ОЭСР разработала одну из наиболее полных классификаций экологических инструментов экологической политики, структурированную по 5 типам и 16 сферам применения [3]. При этом в различных направлениях экологической политики наиболее распространёнными остаются налоги и сборы, что подтверждает устойчивую роль фискальных механизмов в международной практике природоохранного регулирования.

Вместе с тем в научной литературе подчёркивается, что выбор конкретного инструмента не может быть универсальным и должен определяться институциональными условиями, целями регулирования и особенностями регулируемой территории. Так, Гоулдер Л. Х., Парри И. В. Х. указывают, что ни один из инструментов экологической политики не обладает безусловным преимуществом во всех ситуациях, поскольку их результативность зависит от соотношения административных, экономических

и экологических факторов [4]. Данный вывод особенно значим для территорий с особым режимом природопользования, где правовые и хозяйственные ограничения существенно влияют на механизм реализации экологической политики.

В российской практике особый эколого-правовой режим территорий формируется в рамках территорий с особыми условиями использования и иных пространств, на которых действуют дополнительные природоохранные ограничения. Как отмечают исследователи, большая часть земельных участков в стране относится к территориям с обычным эколого-правовым статусом, тогда как территории с особыми режимами требуют специального правового регулирования и более сложной системы управления [5]. К территориям с особым правовым режимом относятся зоны с особыми условиями использования территорий, виды которых указаны в ст.105 Земельного кодекса РФ, а также территории, на которых расположены особо ценные и уникальные природные комплексы, зоны экологического бедствия, а деятельность на них регламентируется дополнительным природоохранным законодательством. В таких условиях экономические инструменты экологической политики приобретают не только стимулирующее, но и компенсаторное значение, поскольку они должны обеспечивать баланс между природоохранными задачами и социально-экономическими интересами населения и бизнеса.

Особую актуальность данная проблема приобретает в регионах, где экологические ограничения напрямую связаны с пространственным развитием и использованием природных ресурсов. Исследования показывают, что экологические ограничения следует рассматривать как существенный фактор регионального развития, влияющий на структуру хозяйственной деятельности, бюджетные поступления и инвестиционную активность [6]. При значительном сокращении возможностей хозяйственного освоения территорий возрастает вероятность конфликта между задачами сохранения природной среды и потребностями социально-экономического развития, что делает необходимым поиск более гибких и адресных механизмов регулирования [7].

Репрезентативным примером территории с особым режимом природопользования является Байкальская природная территория, правовой статус которой определяется специальным федеральным законом. Исторически государственное регулирование хозяйственной деятельности в целях охраны озера Байкал формировалось поэтапно и сопровождалось усложнением правового режима, обусловленного наложением различных природоохранных ограничений. В научных публикациях подчёркивается, что в пределах Байкальской природной территории сосуществуют несколько правовых режимов, что усиливает институциональную сложность реализации экономических инструментов и требует согласования экологических, экономических и социальных интересов [8; 9]. Как отмечают эксперты в

области экологического права, Байкальская природная территория характеризуется наличием сложного правового режима, «заклЮчающегося в «наложении» правовых режимов различных территорий и зон в сочетании с правовыми режимами различных категорий и видов земель» [10].

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных исследований позволяет сделать вывод о том, что экономические инструменты экологической политики обладают значительным потенциалом, однако их результативность на территориях с особым режимом природопользования зависит от институциональной среды, правового статуса территории и наличия механизмов финансового обеспечения природоохранных ограничений. При этом в научной литературе недостаточно полно раскрыты вопросы практической реализации таких инструментов в регионах с высокой экологической значимостью и сложной системой территориальных ограничений. Это обуславливает необходимость исследования особенностей применения экономических инструментов экологической политики на примере Республики Бурятия, что и составляет предмет нашего исследования.

Материалы и методы

Методологическую базу исследования составляют положения институциональной экономической теории в сочетании с концепцией устойчивого развития, что обеспечивает системный подход к анализу межсекторных связей, институтов и стимулов в формировании финансовых потоков, связанных с охраной окружающей среды и инвестиционной деятельностью. В исследовании использованы временной, структурный и сравнительный анализ, графический метод, аналитический синтез нормативно-правовой информации.

Эмпирическую базу исследования составили отчёты Федерального казначейства об исполнении консолидированного бюджета Республики Бурятия (2014–2024); сведения Федеральной налоговой службы о поступлениях налогов и сборов с детализацией по видам платежей; официальная статистика Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации; отчеты о реализации государственной программы Республики Бурятия «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов»; нормативно-правовые акты, регулирующие порядок исчисления и зачисления платы за НВОС и порядок предоставления субсидий.

Результаты и обсуждение

Анализ поступлений платы за НВОС в консолидированный бюджет Республики Бурятия за период 2014–2024 гг. позволяет выявить несколько устойчивых закономерностей. За анализируемый период наблюдаются два выраженных периода динамики абсолютных поступлений (рис.1). Первый (2014–2018 гг.) характеризуется относительно стабильными, но крайне низкими поступлениями в диапазоне от 44,2 млн руб. (2014 г.) до 67,9 млн руб. (2018 г.). Минимальное значение зафиксировано в 2017 году – 44,1 млн руб.

Такие объёмы сопоставимы с годовым бюджетом небольшого сельского поселения и не могут рассматриваться как значимый источник финансирования природоохранных мероприятий в масштабах региона.

Второй период (2019–2024 гг.) демонстрирует резкий скачок поступлений до уровня 115–205 млн руб. Пиковое значение достигнуто в 2023 году – 205 млн руб., что почти в 4,6 раза превышает минимальные значения первой фазы. Рост второй фазы объясняется тремя основными факторами: (а) введением повышающих коэффициентов к нормативам платы; (б) усилением контроля за составом и объёмами выбросов со стороны надзорных органов; (в) общим ужесточением административной практики в рамках федеральных экологических проектов. Принципиальным для оценки эффективности инструмента является показатель доли платежей за НВОС в общих доходах консолидированного бюджета республики. На протяжении всего 2014–2024 гг. этот показатель остаётся исключительно низким, колеблясь в диапазоне 0,06–0,13%.

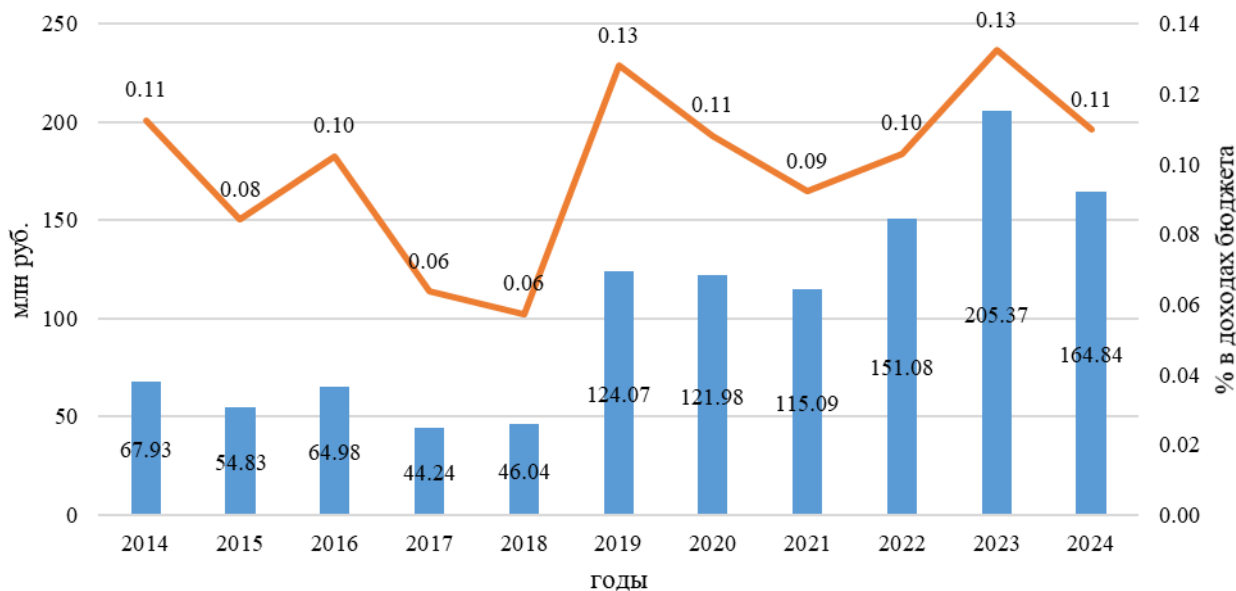

Рис. 1. Динамика поступлений платы за негативное воздействие на окружающую среду и ее удельный вес в доходах консолидированного бюджета Республики Бурятия за 2014–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным [11]

Fig. 1. Dynamics of revenues from fees for negative impacts on the environment and its share in the consolidated budget revenues of the Republic of Buryatia for 2014–2024

Source: compiled by the author based on [11]

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы. Стимулирующая функция не реализуется. Для подавляющего большинства хозяйствующих субъектов – от крупных промышленных предприятий до малого бизнеса – платежи за НВОС являются экономически незначимой

статьёй операционных расходов. Размер годового платежа несопоставим с инвестиционными затратами на экологическую модернизацию (например, установка газоочистного оборудования, реконструкция очистных сооружений, внедрение наилучших доступных технологий). Следовательно, у предприятий отсутствуют рациональные экономические мотивы для снижения негативного воздействия: проще заплатить незначительную сумму, чем инвестировать в дорогостоящие природоохранные мероприятия.

Фискальная функция также не реализуется в полной мере. Бюджет региона получает объём средств, которого недостаточно для финансирования масштабных природоохранных программ. При этом экологический ущерб, наносимый на территории с особым режимом природопользования (Байкальская природная территория), многократно превышает сумму собираемых платежей. Возникает ситуация, при которой загрязнители фактически не компенсируют наносимый ими ущерб, а перекладывают его на общество и экосистему.

Структурный анализ компонентов платы за НВОС демонстрирует устойчивую асимметрию (рис. 2).

Компонент 1: платежи за размещение отходов производства и потребления. На протяжении всего анализируемого периода этот компонент является доминирующим. Его доля в общей сумме НВОС колебалась от 47% (2014 г.) до 80% (2023 г.), демонстрируя устойчивую тенденцию роста. Абсолютные значения выросли более чем в 5 раз: с 32 млн руб. в 2014 г. до 165 млн руб. в 2023 г. Такой рост обусловлен тремя факторами: (а) увеличением физических объёмов образования отходов в регионе; (б) совершенствованием системы учёта отходов; (в) изменениями в расчётной методологии, включая повышающие коэффициенты [12–18].

Компонент 2: платежи за выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников. Данный компонент демонстрирует высокую волатильность. После резкого снижения в 2017 г. до минимального значения 6,85 млн руб. (15,5% от общей суммы НВОС) к 2024 г. объём восстановился до 36 млн руб. (21,8% от общей суммы). Такая нестабильность объясняется разнонаправленными факторами: изменением объёмов промышленного производства (спад в 2017 г., рост в 2021–2024 гг.), модернизацией оборудования на отдельных предприятиях, приводящей к реальному снижению выбросов, а также колебаниями эффективности экологического контроля.

Компонент 3: платежи за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты. Это наименьший по абсолютной величине, но наибольший по экологической значимости для Байкальского региона компонент. Его максимальное значение зафиксировано в 2019 г. – 32,7 млн руб. (26,4% от общей суммы). В среднем за период доля составляет около 12%. В 2024 г. произошёл заметный рост до 27 млн руб. (16,4%), что может быть связано с

усилением внимания контролирующих органов к качеству сточных вод, сбрасываемых в бассейн озера Байкал.

Если в 2014 г. три компонента (выбросы, сбросы, отходы) были примерно сопоставимы по величине, то к 2024 г. сложилась резко асимметричная структура с явным доминированием отходного компонента. Это указывает на смещение контрольной и фискальной нагрузки преимущественно в сторону обращения с отходами, в то время как регулирование выбросов в атмосферный воздух и, что особенно критично для БПТ, сбросов в водные объекты остаётся менее интенсивным с финансовой точки зрения.

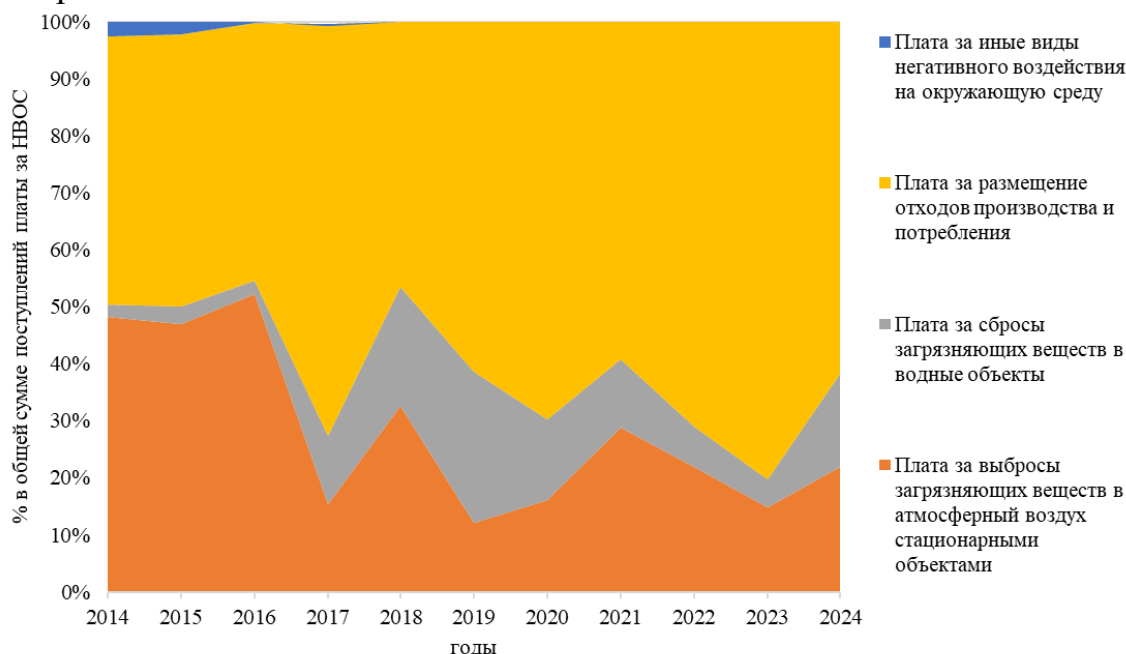

Рис. 2 Структура поступлений платы за негативное воздействие на окружающую среду Республики Бурятия за 2014–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным [11]

Fig. 2. Structure of revenues from environmental impact assessments in the Republic of Buryatia for 2014–2024.

Source: compiled by the authors based on data from [11]

Вторая группа анализируемых инструментов – платежи за пользование природными ресурсами, включающие налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), земельный налог, плату за использование лесов, водный налог и другие поступления. За период 2014–2024 гг. наблюдается устойчивая положительная динамика абсолютных объёмов поступлений – с 1,30 млрд руб. в 2014 г. до 2,86 млрд руб. в 2024 г. Рост почти в 2,2 раза за десятилетие может создавать иллюзию укрепления ресурсной базы бюджета. Однако более показательной является относительная значимость этих платежей, их удельный вес в общих доходах консолидированного бюджета республики. Этот показатель демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению: с 2,15% в 2014 г. до 1,91% в 2024 г., с минимальным значением 1,47% в 2022 г. (рис. 3).

Интерпретация этого тренда однозначна: темпы роста иных доходных источников бюджета (налоговых и неналоговых поступлений, не связанных с природными ресурсами) устойчиво опережают темпы роста доходов от использования природных ресурсов. Экономика региона (пусть и медленно) диверсифицируется, снижая относительную зависимость от ресурсной ренты. Однако, как будет показано ниже, структурные сдвиги внутри самих ресурсных платежей говорят об обратном процессе – усилении сырьевой специализации.

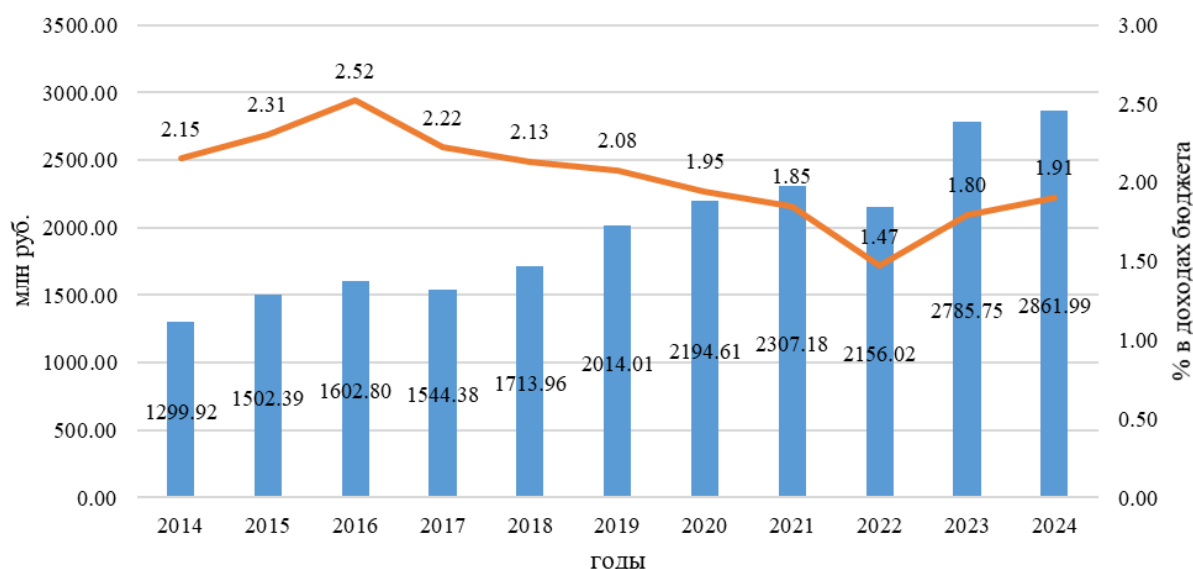

Рис. 3. Динамика платежей за пользование природными ресурсами и их удельный вес в доходах консолидированного бюджета Республики Бурятия за 2014–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным [11]

Fig. 3. Dynamics of payments for the use of natural resources and their share in the consolidated budget revenues of the Republic of Buryatia for 2014–2024

Source: compiled by the authors based on data from [11]

Детальное рассмотрение структуры платежей за пользование природными ресурсами (рисунок 4) выявляет кардинальные изменения, произошедшие за 2014–2024 гг. Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Доля этого налога выросла с 36,5% в 2014 г. до 69,3% в 2024 г. Абсолютный рост ещё более впечатляющий: с 0,47 млрд руб. до 1,98 млрд руб. Это означает, что сегодня почти 70% всех ресурсных платежей в регионе обеспечивается добывающими отраслями (золото, уголь, нерудные материалы).

Земельный налог. Удельный вес этого налога сократился с 58,0% в 2014 г. до 24,6% в 2024 г. Абсолютные значения выросли незначительно: с 0,75 млрд руб. до 0,70 млрд руб. Земельный налог (плата за недвижимость и сельскохозяйственные земли) теряет позиции как источник ресурсных доходов. Плата за использование лесов. Доля остаётся незначительной и колеблется в диапазоне 3,6–4,8%. Абсолютные значения выросли с 47 млн руб.

до 137 млн руб., но в структуре ресурсных платежей этот компонент является маргинальным.

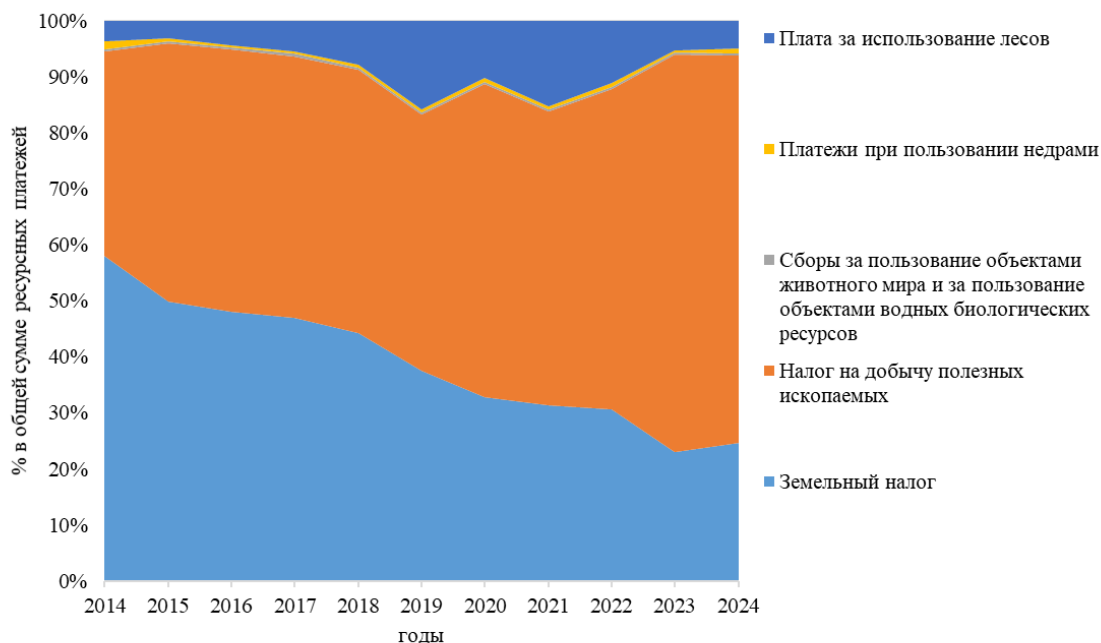

Рис. 4. Структура платежей за пользование природными ресурсами Республики Бурятия за 2014–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным [11]

Fig. 4. Structure of payments for the use of natural resources in the Republic of Buryatia for 2014–2024

Source: compiled by the authors based on data from [11]

Прочие ресурсные платежи (водный налог, сборы за пользование объектами животного мира и водных биоресурсов) в сумме не превышают 1–2% от общего объёма. Наблюдается парадоксальная ситуация: при абсолютном росте ресурсных платежей их относительная значимость снижается, но внутри самой структуры происходит усиление сырьевой специализации. Добывающие отрасли становятся доминирующим источником природной ренты, что делает бюджетную систему региона более уязвимой к конъюнктурным колебаниям на мировых рынках полезных ископаемых. Высокая волатильность поступлений от отдельных видов ресурсопользования (особенно заметная на примере лесных платежей, колебавшихся от 30 млн до 120 млн руб. в разные годы) создаёт риски для долгосрочного бюджетного планирования. Кроме того, наблюдаемая структура платежей не отражает экологическую ёмкость и уникальность Байкальской природной территории, поскольку наиболее существенные поступления связаны с невозобновимыми ресурсами (полезные ископаемые), а платежи за использование возобновляемых ресурсов (лес, водные биоресурсы) носят второстепенный характер.

Третий анализируемый инструмент – инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование

природных ресурсов. За 2014–2024 гг. наблюдается крайне нестабильная, циклическая динамика без какого-либо устойчивого тренда (рис. 5).

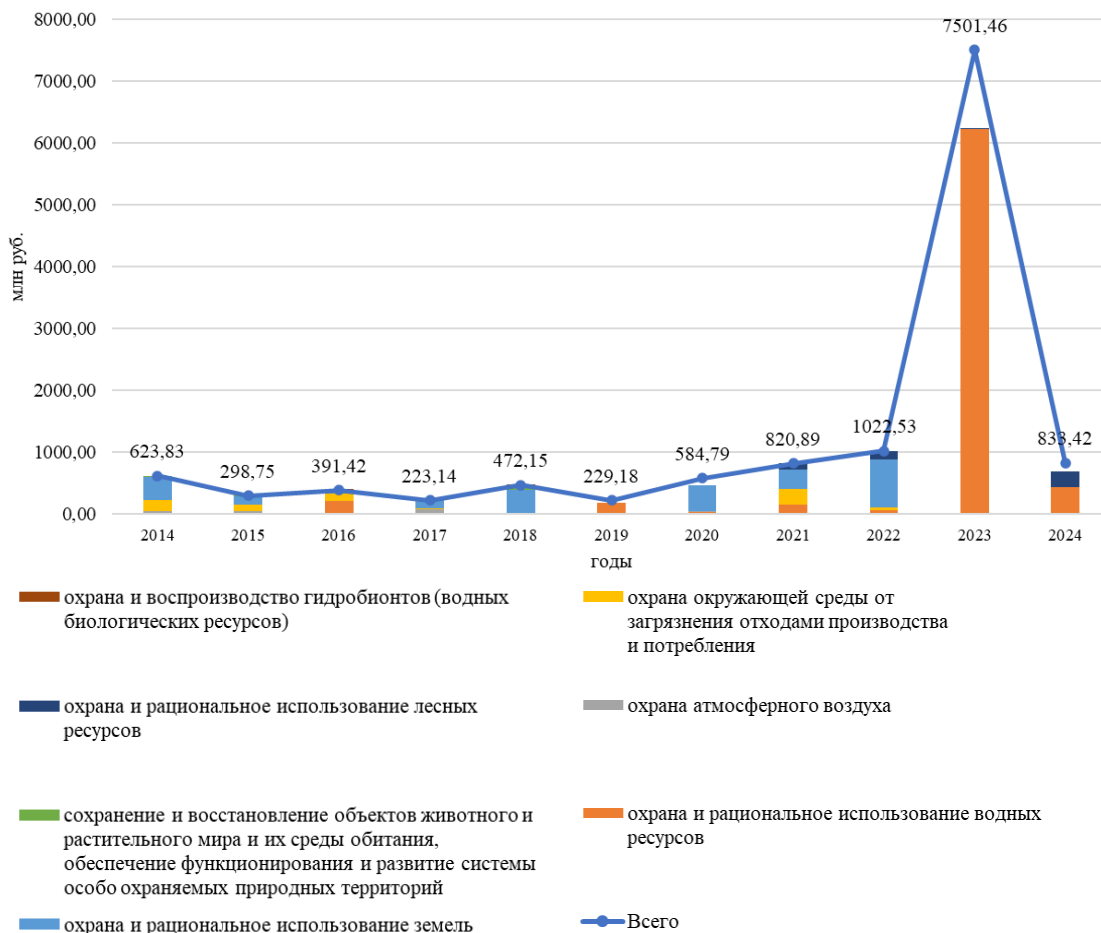

Рис. 5. Динамика и структура инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Республике Бурятия, за 2014–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным [19–20]

Fig. 5. Dynamics and structure of fixed capital investments aimed at environmental protection and rational use of natural resources in the Republic of Buryatia, for 2014–2024.

Source: compiled by the authors based on data from [19–20]

В период 2014–2022 гг. объёмы варьировались в относительно умеренном диапазоне: от минимального значения 223,14 млн руб. (2017 г.) до 1022,53 млн руб. (2022 г.). Колебания в пределах 4–5 раз между минимальным и максимальным значением в рамках одного десятилетия уже свидетельствуют об отсутствии системной инвестиционной политики.

Наблюдался экстремальный рост в 2023 г., более чем в 7 раз превышающий максимальные значения предшествующих лет и более чем в 33 раза – минимальные значения. Но уже в 2024 г. объём инвестиций сокращается

до 833,42 млн руб. Такая динамика представляет классическую картину проектно-ориентированного финансирования, когда резкий всплеск связан с реализацией одного или нескольких крупных инфраструктурных проектов, а не с системным наращиванием инвестиционной активности.

Анализ отраслевой структуры инвестиций раскрывает природу этого всплеска. В 2023 г. 82,9% всех были направлены на охрану и рациональное использование водных ресурсов. Это напрямую связано с реализацией федерального проекта «Сохранение озера Байкал» (впоследствии интегрированного в федеральный проект «Вода России» национального проекта «Экологическое благополучие»). В указанный период финансировалось строительство следующих крупных инфраструктурных объектов: реконструкция правобережных очистных сооружений канализации г. Улан-Удэ; реконструкция очистных сооружений в г. Северобайкальск; разработка проектной документации для очистных сооружений в пгт. Наушки и с. Баргузин.

Параллельно с концентрацией средств на водохозяйственных объектах наблюдается системное недофинансирование других критически важных экологических направлений:

- охрана атмосферного воздуха (особенно актуально для г. Улан-Удэ, входящего в федеральный проект «Чистый воздух»);
- обращение с отходами производства и потребления (за исключением водных аспектов);
- сохранение и восстановление объектов животного и растительного мира и среды их обитания;
- обеспечение функционирования и развития системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ);
- охрана и рациональное использование лесных ресурсов (воспроизводство лесов, противопожарные мероприятия).

Такая моноструктурная концентрация создаёт риски: после завершения водохозяйственных проектов инвестиционная активность в природоохранной сфере может резко упасть, а накопленные диспропорции в других направлениях останутся нерешёнными. Детальное рассмотрение структуры инвестиций по источникам (рис. 6) свидетельствует о крайне высокой зависимости от федерального бюджета.

Федеральный бюджет является доминирующим источником на протяжении всего 2014–2024 гг. В 2023 г. его доля достигла 87,1% (6535,20 млн руб. из 7501,46 млн руб.). Даже в «обычные» годы (без крупных федеральных проектов) доля федерального бюджета редко опускалась ниже 40–50%. Средства регионального и местных бюджетов в среднем не превышали 5%, а их максимальная доля (20,7% в 2020 г.) была достигнута лишь в период относительного спада федерального финансирования. В 2023 г., несмотря на рекордный общий объём инвестиций, вклад регионального бюджета составил лишь 2,7%. Собственные средства

организаций демонстрируют крайне высокую волатильность: от максимальных 72,4% в 2021 г. (594,47 млн руб.) до минимальных 2,1% в 2018 г. Среднегодовая доля частных инвестиций составляет около 30%, что свидетельствует об определённом потенциале бизнеса к финансированию экологических мероприятий. Однако концентрация частных инвестиций в отдельные годы (2021 г.) с последующим резким снижением (2022–2023 гг.) указывает на отсутствие устойчивых стимулов для системных экологических инвестиций со стороны хозяйствующих субъектов.

Рис. 6. Структура инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Республике Бурятия, за 2014–2024 гг. по источникам финансирования

Источник: составлено авторами по данным [19–20]

Fig. 6. Structure of investments in fixed capital aimed at environmental protection and rational use of natural resources in the Republic of Buryatia, for 2014–2024, by funding source

Source: compiled by the authors based on data from [19–20]

Анализ выявляет интересный феномен: периоды активизации федерального финансирования (2018, 2023 гг.) сопровождаются относительным сокращением доли других источников. Это свидетельствует об эффекте «вытеснения» частных и региональных инвестиций при реализации крупных федеральных проектов. В такие периоды бизнес и региональные власти «выжидают», перекладывая ответственность на федеральный центр. В периоды отсутствия масштабных федеральных программ (2019, 2021 гг.) наблюдается временная активизация предприятий и некоторое увеличение роли регионального бюджета, однако абсолютные объёмы финансирования в эти годы существенно ниже.

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы. Инвестиционный процесс в природоохранной сфере Республики Бурятия

характеризуется как несбалансированный по трём измерениям: (а) зависимость от федеральных трансфертов; (б) зависимость от проектного цикла; (в) моноструктурная концентрация на водных объектах в ущерб другим экологическим направлениям.

Четвёртый анализируемый инструмент – субсидии юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на цели охраны окружающей среды. Теоретически этот инструмент должен стимулировать природоохранную деятельность, компенсируя часть затрат бизнеса на экологические мероприятия. Эмпирический анализ показывает, что реальность далека от этой модели. За 2014–2024 гг. наблюдается выраженная нестабильность (рис. 7). В течение 2014–2017 гг. субсидирование юридическим лицам на природоохранные цели фактически отсутствовало. Активное использование инструмента началось только с 2018 г. Ключевой всплеск произошёл в 2020 г., когда объём субсидий достиг 171,70 млн руб., что более чем в 24 раза превышает объёмы 2018–2019 гг.

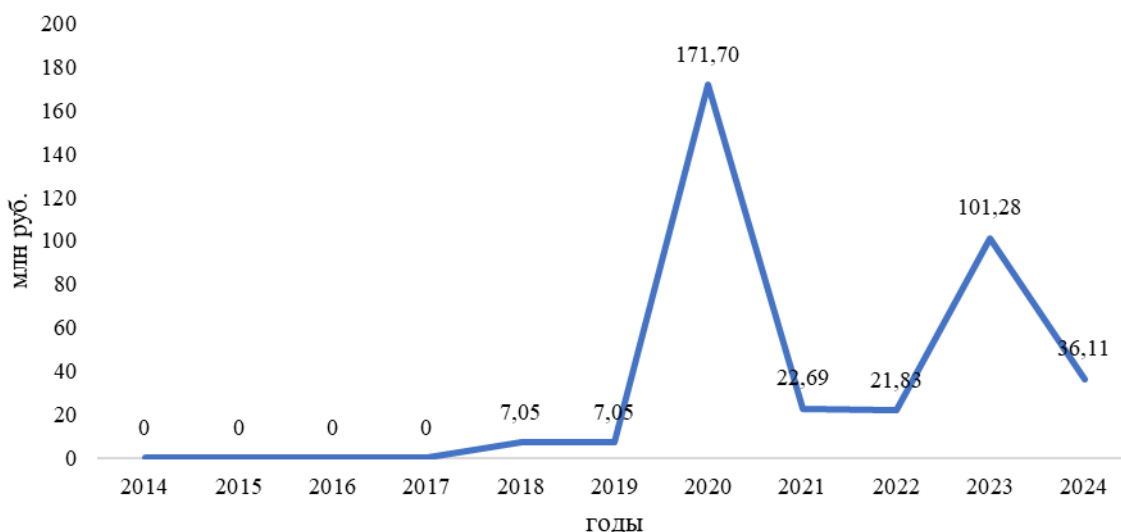

Рис. 7. Динамика объема субсидий юридическим лицам (кроме некоммерческих организаций), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам - производителям товаров, работ, услуг на охрану окружающей среды из консолидированного бюджета Республики Бурятия за 2014–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным [11]

Fig. 7. Dynamics of the volume of subsidies to legal entities (except non-profit organizations), individual entrepreneurs, and individuals producing goods, works, and services for environmental protection from the consolidated budget of the Republic of Buryatia for 2014–2024.

Source: compiled by the authors based on data from [11]

Такой резкий рост не может быть объяснён постепенным наращиванием природоохранной активности – это свидетельствует о разовом административном решении. Последующий период (2021–2024 гг.)

характеризуется новыми колебаниями: резкое снижение до 22,69 млн руб. в 2021 г. с последующим ростом до 101,28 млн руб. в 2023 г. и снижением до 36,11 млн руб. в 2024 г. Такая «рваная» динамика однозначно свидетельствует об отсутствии системного, программно-целевого подхода к субсидированию и о высокой зависимости от разовых решений в рамках бюджетного процесса.

Анализ целевой структуры субсидий выявляет ключевую проблему: смещение приоритета с природоохранных на компенсационно-операционные цели. В 2018–2019 гг. субсидии выделялись на конкурсной основе на финансовое обеспечение затрат в связи с организацией сбора и вывоза мусора с побережий озёр Байкал, Гусиное и Щучье Республики Бурятия (береговая полоса шириной до 300 м от уреза воды). Это были точечные, адресные природоохранные мероприятия. Коренной перелом произошёл в 2020 г., когда началась государственная поддержка регионального оператора по обращению с твёрдыми коммунальными отходами – ООО «ЭкоАльянс». Субсидии предоставлялись по трём каналам:

- субсидия на компенсацию выпадающих доходов, не предусмотренных в тарифах (возникающих из-за применения льготного тарифа для населения);

- субсидия из резервного фонда финансирования непредвиденных расходов Правительства Республики Бурятия на финансовое обеспечение затрат, связанных с предотвращением влияния ухудшения экономической ситуации на развитие отраслей экономики;

- субсидия из бюджета Республики Бурятия региональному оператору на финансовое обеспечение части затрат на оказание услуг в области обращения с твёрдыми коммунальными отходами.

В последующие годы бюджетная поддержка регионального оператора была продолжена, но размеры финансирования значительно уменьшились. Субсидии выделяются преимущественно на компенсацию выпадающих доходов, возникающих в результате применения льготного тарифа для отдельных категорий потребителей.

С этого момента субсидирование фактически трансформировалось из природоохранного стимула в механизм поддержки функционирования регулируемой отрасли ЖКХ. Средства идут не на модернизацию производства для снижения негативного воздействия на окружающую среду, а на компенсацию тарифных потерь регионального оператора. Максимальный объём субсидирования (171,70 млн руб. в 2020 г.) составлял около 0,2% от расходов консолидированного бюджета Республики Бурятия. Это крайне незначительная величина, которая не может оказывать серьёзного стимулирующего воздействия на массу хозяйствующих субъектов. Инструмент работает точечно, в основном на одного крупного получателя (регионального оператора), что противоречит идее широкого стимулирования природоохранной деятельности.

В контексте выявленных структурных проблем субсидирования заслуживает внимания включение в государственную программу Республики Бурятия «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» в рамках федерального проекта «Чистый воздух» национального проекта «Экологическое благополучие» мера по субсидированию перехода граждан с печного на электрическое отопление. Мера представляет собой важный шаг в направлении диверсификации и экологизации данного экономического инструмента. Значимость данной меры заключается в том, что она смещает фокус субсидирования с компенсации текущих затрат (как в случае с твёрдыми коммунальными отходами) на стимулирование инвестиций в экологически чистые технологии на уровне домохозяйств. Это соответствует принципу «загрязнитель платит», трансформируя домохозяйства из источников загрязнения атмосферного воздуха (печное отопление твёрдым топливом) в субъектов экологической модернизации.

Таким образом, инструмент субсидирования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Республике Бурятия за 2014–2024 гг. претерпел существенную деформацию. Первоначально задуманный как механизм стимулирования природоохранной деятельности и компенсации экологических издержек бизнеса, он фактически трансформировался в инструмент поддержки регионального оператора по обращению с твёрдыми коммунальными отходами, утратив свою стимулирующую функцию. Исключением является новая мера по субсидированию перехода на электроотопление, которая пока не получила широкого масштабирования, но задаёт правильный вектор развития инструмента.

Заключение

Проведённое исследование, основанное на ретроспективном анализе динамики и структуры ключевых экономических инструментов экологической политики Республики Бурятия за период 2014–2024 гг., позволяет сформулировать ряд обоснованных выводов.

В отношении платы за негативное воздействие на окружающую среду установлено, что данный инструмент не выполняет в должной мере ни стимулирующую, ни фискальную функцию. Удельный вес этих платежей в доходах консолидированного бюджета республики на протяжении всего одиннадцатилетнего периода не превышал 0,13%, что ниже порога экономической значимости для природопользователей. Структурный анализ выявил устойчивую асимметрию: к 2024 г. сформировалась резкая доминанта отходного компонента (до 80% от общей суммы), тогда как платежи за сбросы в водные объекты – наиболее критичный для Байкальской природной территории вид воздействия – составляют в среднем лишь 12%.

Анализ платежей за пользование природными ресурсами показал парадоксальный тренд. При абсолютном росте поступлений их относительная значимость в доходах бюджета снижается. Однако внутри самой структуры

происходят кардинальные изменения: доля налога на добычу полезных ископаемых выросла с 36,5% до 69,3%, тогда как доля земельного налога сократилась с 58,0% до 24,6%. Это свидетельствует об усилении сырьевой специализации региона и возрастании зависимости бюджетной системы от конъюнктурных колебаний на рынках полезных ископаемых.

Исследование инвестиций в основной капитал природоохранного назначения выявило три взаимосвязанных дисбаланса. Во-первых, это проектно-ориентированный характер финансирования: экстремальный рост в 2023 г. до 7501,46 млн руб. сменился резким спадом до 833,42 млн руб. в 2024 г. Во-вторых, это моноструктурная концентрация: 82,9% всех средств в 2023 г. были направлены на водохозяйственные объекты в рамках федерального проекта «Сохранение озера Байкал», тогда как охрана атмосферного воздуха, обращение с отходами, сохранение биоразнообразия и развитие ООПТ остаются системно недофинансированными. В-третьих, это крайне высокая зависимость от федерального бюджета (до 87,1% в 2023 г.) при минимальном вкладе регионального бюджета (в среднем около 5%).

В отношении субсидирования юридических лиц и индивидуальных предпринимателей выявлена глубокая деформация первоначального замысла инструмента. Начиная с 2020 г. основным получателем субсидий стал региональный оператор по обращению с твёрдыми коммунальными отходами, а средства направлялись преимущественно на компенсацию выпадающих доходов из-за применения льготных тарифов. Таким образом, субсидирование фактически трансформировалось из инструмента стимулирования природоохранной деятельности в механизм поддержки функционирования регулируемой отрасли ЖКХ. Позитивным исключением является включение в государственную программу мер по субсидированию перехода граждан с печного на электрическое отопление, что задаёт правильный вектор – стимулирование инвестиций в экологически чистые технологии на уровне домохозяйств.

Обобщение результатов позволяет выделить три сквозные системные проблемы:

- низкая стимулирующая эффективность экономического инструментария в целом: ни один из рассмотренных инструментов не создаёт устойчивых экономических стимулов для снижения негативного воздействия;
- фискальная и инвестиционная зависимость от федерального центра при слабой роли региона, что делает региональную экологическую политику уязвимой к изменениям федеральных приоритетов;
- структурные диспропорции, не соответствующие экологическим приоритетам Байкальской природной территории: доминирование отходного компонента в платежах при недооценке водного, и концентрация инвестиций на водных объектах в ущерб иным направлениям.

Проведённое исследование не исчерпывает всего комплекса проблем, связанных с реализацией экономических инструментов экологической политики на территории с особым режимом природопользования. Перспективные направления дальнейших исследований включают разработку методики интегральной оценки эффективности экономического инструментария, учитывающей не только бюджетную результативность, но и экологическую эффективность.

Проведённый анализ позволяет обосновать необходимость разработки новой региональной стратегии распределения средств, ориентированной на три взаимосвязанных приоритета. Во-первых, требуется последовательная экологизация производства, включающая переход от фискально-пассивной модели взимания платы за НВОС к стимулирующе-превентивной, где размер платежа становится экономически значимым для природопользователя. Во-вторых, назрел пересмотр нормативов платы за сбросы в водные объекты с их дифференциацией применительно к Байкальской природной территории, где экологический ущерб от загрязнения вод многократно выше, чем в других регионах. В-третьих, необходима целенаправленная работа по снижению зависимости от федеральных целевых программ через формирование регионального экологического фонда, аккумулирующего средства от платы за НВОС, и разработку механизмов софинансирования частных природоохранных инвестиций. Только совокупная реализация этих трёх направлений способна преодолеть сложившиеся структурные деформации экономического инструментария и обеспечить переход к сбалансированной модели экологической политики на территории с особым режимом природопользования.

Литература

1. Эколого-экономическое регулирование в странах «Группы двадцати»: причины и подходы к его организации : аналитическая записка / И. А. Яковлев, Л. С. Кабир, А. С. Ковалевская [и др.] ; ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт» (НИФИ). Москва, 2018. 29 с. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2018/06/main/2018_regulation.pdf
2. Panayotou T. Economic Instruments for Environmental Management and Sustainable Development. Nairobi : UNEP, 1994. 67 p.
3. Organisation for Economic Co-operation and Development. Policy Instruments for the Environment (PINE) Database : electronic database. Paris : OECD, 2024. URL: <https://oe.cd/pine>.
4. Goulder L.H., Parry I.W. H. Instrument Choice in Environmental Policy // Review of Environmental Economics and Policy. 2008. Vol. 2. № 2. P. 152–174.
5. Анисимов А.П., Чаркин С.А. Правовой режим территорий с особым эколого-правовым статусом и проблемы его совершенствования // Аграрное и земельное право. 2013. № 3 (99). С. 4–9.

6. Жалсараева Е.А., Шангина А.В., Дугаржапова М.А. Экологические ограничения пространственного развития в практике российских регионов. Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2019. № 6. С. 32–42.

7. Maksanova L., Bardakhanova T., Lubsanova N., Budaeva D., Tulokhonov A. Assessment of losses to the local population due to restrictions on their ownership rights to land and property assets: The case of the Tunkinsky National Park, Russia // PLOS ONE. 2021. Vol. 16(5). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0251383>

8. Tulokhonov A.K., Mikheeva A., Ayusheeva S.N., Boldanov T., Botoeva N. Preconditions and conditions of creating organic production in the Baikal region // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 403.

9. Тулохонов А.К., Гармаев Е.Ж. Байкальская проблема: история в документах (1960-2017). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 192 с.

10. Багаутдинова С.Р. О соотношении правовых режимов Байкальской природной территории и других территорий и зон, созданных в ее границах // Экологическое право. 2025. № 4. С.11–15.

11. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов // Федеральное казначейство : официальный сайт. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov-rossijskoj-federacii>.

12. О коэффициенте 2: Письмо Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 16.01.2018 г. № ВС-06-02-31/669 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288479/.

13. О применении в 2020 году ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду: Постановление Правительства РФ от 24.01.2020 № 39 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343840/.

14. О применении в 2021 году ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду: Постановление Правительства РФ от 11.09.2020 № 1393 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362358/.

15. О применении в 2022 году ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду: Постановление Правительства РФ от 01.03.2022 № 274 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410708/.

16. О применении в 2023 году ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду: Постановление Правительства РФ от 20.03.2023 № 437 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443492/.

17. О применении в 2024 и 2025 годах ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду: Постановление Правительства РФ от 17.04.2024 № 492 (ред. от 24.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509742/.

18. О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах: Постановление Правительства РФ от 13.09.2016 № 913 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_204671/.

19. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов с 2009 г. по 2016 г. // Единая межведомственная информационная статистическая система (ЕМИСС) : официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36065>

20. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, с 2017 г. // Единая межведомственная информационная статистическая система (ЕМИСС) : официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58081>.

References

1. Yakovlev I.A., Kabir L.S., Kovalevskaya A.S., et al. *Ekologo-ekonomicheskoe regulirovanie v stranakh «Gruppy dvadtsati»: prichiny i podkhody k ego organizatsii* [Environmental and economic regulation in the G20 countries: causes and approaches to its organization]. Moscow: Financial Research Institute, 2018. 29 p. (In Russ.).

2. Panayotou T. *Economic Instruments for Environmental Management and Sustainable Development*. Nairobi: UNEP, 1994. 67 p.

3. Organisation for Economic Co-operation and Development. *Policy Instruments for the Environment (PINE) Database*. Paris: OECD, 2024.

4. Goulder L.H., Parry I.W.H. *Instrument Choice in Environmental Policy* // *Review of Environmental Economics and Policy*. 2008. Vol. 2. No. 2. P. 152–174.

5. Anisimov A.P., Charkin S.A. *Pravovoi rezhim territorii s osobym ekologo-pravovym statusom i problemy ego sovershenstvovaniya* [The legal regime of territories with special environmental status and problems of its improvement] // *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2013. No. 3(99). P. 4–9. (In Russ.).

6. Zhalsaraeva E.A., Shangina A.V., Dugarzhapova M.A. *Ekologicheskie ogranicheniya prostranstvennogo razvitiya v praktike rossiiskikh regionov* [Environmental constraints of spatial development in Russian regional practice] // *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. 2019. No. 6. P. 32–42. (In Russ.).

7. Maksanova L., Bardakhanova T., Lubsanova N., Budaeva D., Tulokhonov A. *Assessment of Losses to the Local Population Due to Restrictions on Their Ownership Rights to Land and Property Assets: The Case of the Tunkinsky*

National Park, Russia // PLOS ONE. 2021. Vol. 16(5).
<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0251383>.

8. Tulokhonov A.K., Mikheeva A., Ayusheeva S.N., Boldanov T., Botoeva N. Preconditions and Conditions of Creating Organic Production in the Baikal Region // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 403.

9. Tulokhonov A.K., Garmaev E.Zh. Baikal'skaya problema: istoriya v dokumentakh (1960–2017) [The Baikal problem: history in documents (1960–2017)]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center SB RAS, 2017. 192 p. (In Russ.).

10. Bagautdinova S.R. O sootnoshenii pravovykh rezhimov Baikal'skoi prirodnoi territorii i drugikh territorii i zon, sozdannykh v ee granitsakh [On the correlation of legal regimes of the Baikal natural territory and other territories and zones created within its boundaries] // Ekologicheskoe pravo. 2025. No. 4. P. 11–15. (In Russ.).

11. Konsolidirovannyye byudzhety sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i byudzhetov territorial'nykh gosudarstvennykh vnebyudzhetykh fondov [Consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation and territorial state extra-budgetary funds]. Federal Treasury. (In Russ.).

12. Konsolidirovannyye byudzhety sub"ektov Rossiiskoi Federatsii i byudzhetov territorial'nykh gosudarstvennykh vnebyudzhetykh fondov [Consolidated budgets of the constituent entities of the Russian Federation and territorial state extra-budgetary funds] // Federal Treasury. (In Russ.).

13. O koeffitsiente 2: Pis'mo Federal'noi sluzhby po nadzoru v sfere prirodnopol'zovaniya ot 16 yanvarya 2018 g. No. VS-06-02-31/669 [On coefficient 2: Letter of the Federal Service for Supervision of Natural Resources No. VS-06-02-31/669 dated January 16, 2018]. (In Russ.).

14. O primenenii v 2020 godu stavok platy za negativnoe vozdeistvie na okruzhayushchuyu sredu: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 24 yanvarya 2020 g. No. 39 [On the application of payment rates for negative environmental impact in 2020: Decree of the Government of the Russian Federation No. 39 dated January 24, 2020]. (In Russ.).

15. O primenenii v 2021 godu stavok platy za negativnoe vozdeistvie na okruzhayushchuyu sredu: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 11 sentyabrya 2020 g. No. 1393 [On the application of payment rates for negative environmental impact in 2021: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1393 dated September 11, 2020]. (In Russ.).

16. O primenenii v 2022 godu stavok platy za negativnoe vozdeistvie na okruzhayushchuyu sredu: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 1 marta 2022 g. No. 274 [On the application of payment rates for negative environmental impact in 2022: Decree of the Government of the Russian Federation No. 274 dated March 1, 2022]. (In Russ.).

17. O primenenii v 2023 godu stavok platy za negativnoe vozdeistvie na okruzhayushchuyu sredu: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 20

marta 2023 g. No. 437 [On the application of payment rates for negative environmental impact in 2023: Decree of the Government of the Russian Federation No. 437 dated March 20, 2023]. (In Russ.).

18. О применении в 2024 и 2025 годах ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2024 г. No. 492 (as amended on September 24, 2024) [On the application of payment rates for negative environmental impact in 2024 and 2025: Decree of the Government of the Russian Federation No. 492 dated April 17, 2024]. (In Russ.).

19. О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах: Постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2016 г. No. 913 [On payment rates for negative environmental impact and additional coefficients: Decree of the Government of the Russian Federation No. 913 dated September 13, 2016]. (In Russ.).

20. Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов с 2009 г. по 2016 г. [Investments in fixed assets aimed at environmental protection and rational use of natural resources from 2009 to 2016] // Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). Federal State Statistics Service. (In Russ.).

© Лубсанова Н.Б., Владимирова И.Л., Михеева А.С., 2026